Комментарий
2 мая 2025

Главные дилеммы ЕС – на Востоке

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Несмотря на всю медийную шумиху, главные долгосрочные вызовы и дилеммы ЕС находятся не за океаном, а на Востоке. И решить их не так просто, как считают авторы принимаемых сейчас Брюсселем программных документов. Европейский союз нуждается в комплексном стратегическом видении себя и мира вокруг, которое уйдет от нерелевантных исторических параллелей и будет основано на балансе интересов всех стран-членов объединения.

Содержание

1 Не Трансатлантика, а Восток
2 Дезориентирующая параллель с Холодной войной
3 Милитаризация – это еще не политика

По понятным причинам в последние месяцы взоры европейских политиков направлены в основном за океан. Главная из этих причин – Дональд Трамп. Еще задолго до начала политической карьеры действующий американский президент был известен своим настороженным, если не сказать жестче, отношением к Европе в целом и особенно к Европейскому союзу как к интеграционному проекту. Совсем недавно он искренне напомнил, что думает об объединенной Европе. По убеждению главы Белого дома, «Европейский союз был создан, чтобы вредить Соединенным Штатам». А в годы своего первого президентского срока Трамп любил повторять, что в плане торговли «ЕС так же плох для США, как и Китай, но только меньше по размерам».

Разумеется, такие оценки первого лица американской власти не могут не волновать политиков и бюрократов в ЕС. Уже многие десятилетия и республиканские, и демократические администрации США высказывали серьезное недовольство европейцами, особенно из-за их комфортной жизни под американским зонтиком безопасности при минимальных финансовых затратах. Однако стилистика предъявления этих претензий и общий климат в

трансатлантических отношениях оставались подчеркнуто дружелюбными. В таких условиях европейцы привыкли к тому, что американцы что-то там постоянно бормочут, но дальше слов никаких мер принуждения в адрес союзников не предпринимают.

Поэтому риторика и, что самое важное, действия администрации Трампа, конечно же, будоражат европейцев и приводят в состояние тотального стресса. Тем более, что распространяются они не только на вопросы обороны, где Вашингтон уже совсем не для галочки требует от союзников перенаправить часть расходов с социалки на военные нужды и снижает собственные обязательства по их защите. Не менее остро США ставят вопросы в сфере торговли: чего стоят одни только тарифные прокламации! Все эти события стимулируют у многих в Европе почти апокалиптические чувства. Отсюда и такое повышенное внимание к трансатлантическому направлению.

Не Трансатлантика, а Восток

Однако при всем шоке, который в ЕС вызывает политика Дональда Трампа, главные стратегические дилеммы для объединенной Европы все же находятся не через Атлантику, а на Востоке. Притом Восток здесь нужно понимать в самом широком смысле: от отношений с Китаем, до политики соседства в Восточной Европе и на Южном Кавказе, а также отношений с Россией. Почему именно там? Потому что в американо-европейских делах, при всей кажущейся революционности происходящих прямо сейчас изменений, долгосрочная траектория более-менее понятна и даже предначертана в самых общих чертах. Не будь Трампа, объективные потребности и интересы США все равно выводили бы трансатлантические отношения на эту траекторию, пусть медленнее и с иной публичной подачей. И если после следующих президентских выборов американские избиратели вернут в Белый дом демократов, то можно с уверенностью прогнозировать, что никаких кардинальных сущностных разворотов в их европейской политике не будет.

> Так что в стратегическом плане у ЕС не так много переменных на трансатлантическом направлении, с которыми реально можно что-то поделать, и которые глубинно зависят от самого ЕС и тех решений, которые именно европейцы будут принимать.

По крайней мере, в осязаемой перспективе. Дальше картина может усложниться, и переменных может стать больше. Но и для этого ЕС важно уже сейчас заняться восточным направлением. Там политические переменные для Европейского союза иного качества. То, как к ним подойдет объединенная Европа, и определит в значительной степени, усложнится ли глобальная картина и какой вес в этой картине будет у ЕС. Да и то, в каком виде Евросоюз продолжит функционировать (и продолжит ли?) тоже не в последнюю очередь будет зависеть от решения им именно восточных дилемм.

Представленные ниже рассуждения так или иначе касаются всех названных компонентов восточной политики Евросоюза: отношения с Китаем, Россией и странами-соседями в Восточной Европе и на Южном Кавказе. В этой статье сконцентрируемся на российском векторе ЕС, а к другим составляющим восточной политики Евросоюза обратимся в будущих публикациях.

Дезориентирующая параллель с Холодной войной

Если почитать принимаемые сейчас на уровне всего ЕС и многих его государств-членов программные документы, то по российскому направлению все, казалось бы, однозначно и понятно. Например, представленный недавно рабочий документ по европейской оборонной готовности к 2030 году (Joint White Paper for European Defence Readiness 2030) называет Россию уже не просто вызовом или оппонентом, а «стратегической угрозой на поле боя». Исходя из такого восприятия России в качестве угрозы во всех сферах, в том числе военной, предпринимаются попытки переориентировать европейскую интеграцию с «проекта мира» на «проект обороны и безопасности». Это сопряжено с необходимостью многих фундаментальных и болезненных изменений.

> В самом ЕС многие исходят из того, что вызовы и дилеммы, с которыми союз сейчас столкнулся на российском направлении, аналогичны существовавшим в годы Холодной войны.

Согласно таким представлениям, Москва бросает экзистенциальный вызов европейским ценностям и образу жизни и готова использовать для достижения своих целей весь спектр средств, включая военные. Поэтому Евросоюз должен быть готов отразить угрозы с востока на всех уровнях, ответить силой на любое проявление силы.

Отсюда ставка на милитаризацию, которая по задумке европейских политиков и функционеров должна обеспечить сдерживание России военными средствами. То есть Москва, согласно этой задумке, должна понимать, что у Европы даже без НАТО всегда будут ресурсы и возможности нанести сокрушительный ответ на любые агрессивные действия в ее адрес. Это универсальная логика сдерживания, которой государства и военные блоки в истории следовали всегда и везде. Она нашла отражение в старой доброй формуле «хочешь мира – готовься к войне». Сама Россия, к слову, действует в этой же логике, когда, например, обновляет свою ядерную доктрину и наращивает военное производство.

Однако проблема для ЕС в том, что при всей кажущейся однозначности ситуации на российском направлении и безальтернативности ставки на собственную милитаризацию как способе сдерживания Москвы стратегически все выглядит куда сложнее. По целому ряду геополитических и внутренних причин.

Во-первых, какими бы привлекательными ни были интеллектуальные и эмоциональные параллели с периодом Холодной войны, они не в полной мере отражают имеющиеся сегодня реалии как в самой Европе, так и глобально. Элиты и население восточноевропейских стран-членов ЕС могут, как и во второй половине XX века, воспринимать Москву в качестве экзистенциальной угрозы. Они также могут настаивать на том, что являются главными и единственными «экспертами по России», и потому весь остальной ЕС должен им довериться и следовать их восточной логике. На каком-то непродолжительном отрезке времени, как сейчас и происходит, эти аргументы могут находить медийный отклик в других европейских странах. Но бесконечно так длиться не будет. Потому что больше нет ни идеологических, ни геополитических причин для бескомпромиссного системного противостояния между США и Россией. Глобальная картина сейчас структурируется через другое магистральное противостояние – американо-китайское.

Это совершенно не значит, что Москва и Вашингтон теперь обречены на дружбу и сотрудничество. Но это значит, что американский фактор в контексте европейских попыток сдерживать Россию будет играть иначе. Американский зонтик безопасности в Европе при любых дальнейших раскладах уже не будет в той же степени, как в годы Холодной войны, защищать и объединять европейские страны перед лицом российской угрозы. Многие европейские политики сегодня считают, что ЕС должен адаптироваться к этим новым реалиям за счет развития собственной военно-промышленной автономии. Однако в случае успеха (а он совсем не гарантирован) это может решить лишь одну проблему.

> Вторая же проблема пока выглядит нерешаемой: в отсутствие объединительного фактора американского зонтика безопасности еще больше обострятся внутриевропейские противоречия в восприятии стратегических угроз и возможностей.

Пока продолжается российско-украинская война, эти противоречия не особо заметны, противодействие России остается объединительной линией. По крайней мере, в публичное пространство объективно имеющиеся различия взглядов и интересов стараются не выпускать. Тем более, что есть Венгрия с ее принципиальной позицией, которая пока позволяет некоторым другим странам, придерживающимся аналогичных позиций, оставаться в рамках единых подходов ЕС. Но как только в российско-украинской войне наметится устойчивая тенденция на деэскалацию, все эти внутриевропейские противоречия неизбежно начнут играть букетом ярких красок.

Милитаризация – это еще не политика

Во-вторых, ЕС просто не сможет претендовать на какую-то геополитическую релевантность и стратегическую автономию, если не найдет способ совместить видение России в качестве экзистенциальной угрозы и одновременно партнера для решения хотя бы базовых вопросов соседства и взаимодействия. Без хотя бы какого-то уровня сотрудничества и потому деконфликтинга с Россией не может быть ни более-менее предсказуемой ситуации в области безопасности, ни условий для устойчивого экономического развития ЕС. Иными словами, без всего этого ЕС по определению не сможет быть сильным актором в мировых делах, не сможет самостоятельно решать вопросы, которые принципиально важны для стабильности европейского континента. Особенно в условиях повышенной турбулентности в международных отношениях и обостряющихся для единой Европы дилемм из-за нарастающего стратегического противостояния США и Китая.

Наконец, *в-третьих*, милитаризация и сдерживание России – это еще не политика в полном смысле этого термина. Они могут быть составными частями политики, даже ее базовыми ориентирами, но они не равнозначны политике, недостаточны. Особенно с учетом названных выше проблем: главным образом, неизбежного выхода на поверхность серьезных внутриевропейских разногласий в определении угроз и возможностей в условиях изменяющегося фактора американского зонтика безопасности.

> Европейский союз нуждается в намного более комплексном стратегическом видении себя и мира вокруг, которое будет основано на балансе интересов и восприятия вызовов и возможностей всеми странами-членами.

Сдерживание России и других угроз, разделяемых странами-членами, должно быть органично вписано в такое видение и сбалансировано. В противном случае оно останется лишь политическим лозунгом, который в одних европейских столицах будут все больше воспринимать как проявление паранойи в других.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»